

Народный артист РСФСР Владимир ГОРЕЛОВ:

ВЕРНИТЕ В ТЮЗЫ ЧУДЕСА...

СОВЕТСКИЙ РОССИА
Г. Москва

Народный артист РСФСР Владимир Горелов принадлежит к верным рыцарям детского театра — он работает в Московском ТЮЗе сорок лет. На счету его около ста пятидесяти ролей — в театре, кино, на телевидении, передачи на радио. Он не раз получал лестные предложения, но оставался верен ТЮЗу. Почему? С этого вопроса и началась наша беседа с актером.

— Ответ прост, — говорит Владимир Константинович, — люблю детей, беспокойный, шумный зал, который чутко реагирует на малейшую фальшь и неправду. Играть перед такой аудиторией легко и трудно. Легко — потому, что она благодарна и отзывчива, трудно — потому, что в детском театре, особенно в последние годы, расцвели сестры и ординарность. Драматург Лев Устинов очень едко окрестил эти явления «тюзятиной».

А ведь мы помним другие времена, когда в театр было не пробиться, когда ребята разыгрывали билеты, как в лотерее, и завидовали счастливым. К нам в театр приносили свои пьесы Лев Кассиль и Михаил Шатров, Сергей Михалков, Анатолий Алексин, Вадим Коростылев... Мы играли классику — «Отверженных», «Ромео и Джульетту», ставили драмы Симонова, сказки Шварца. Сценическое искусство действительно начинается с драматургии: нет хорошей основы — не будет интересного спектакля.

С горечью я наблюдаю падение зрительского интереса к сегодняшним нашим спектаклям. И первопричина этого видится мне в пьесах низкого качества. Ведь как было в последние годы? Драматурги, с которыми мы работали долгое время, ушли во взрослые театры. Если появлялась у нас вещь серьезная, интересно сделанная, нам говорили: «об этом не надо». В результате мы принимали к постановке произведения беззубые, со вторичными проблемами. В них все было правильно, гладко, спокойно и... неинтересно.

— Но только ли отсутствие хорошей драматургии привело ТЮЗ к нынешней застойной ситуации?

— Нет, конечно. Есть еще причина — режиссура. В свое время ТЮЗом руководили Борис Голубовский, Павел Хомский, но они тоже переключились на взрослую аудиторию. А к нам нередко приходили случайные люди. Режиссер детского театра — художник особого склада. Он должен быть и педагогом, и психологом, и воспитателем, который в состоянии достучаться до сердца каждого ребенка. Тут нужны ум, доброта, терпение. И талант! Готов ли режиссер ТЮЗа к такой подвижнической миссии? Многие наши постановки делались для чего угодно, только не для зрителя — так холодно и бездушно они выглядели. Во главе детского театра должен стоять Большой Художник. Личность. Вспомним Брянцева, Кнебель, Цетнеровича, ныне здравствующую Наталью Ильиничну Сац. У этих режиссеров — четкая позиция, они всегда отстаивали свои принципы, строили репертуар, исходя из потребностей и запросов зрителей, создавали труппу единомышленников, которая помогала формировать мировоззрение маленького человека, прививала ему любовь к Прекрасному, учила любить и ненавидеть. Сейчас, к сожалению, режиссеры ТЮЗа смотрят на свою работу как на трамплин для перехода во взрослый театр. Критерием для них служит не мнение детей, а количество взрослых, заполнивших зал. Порой кажется, что главная забота у таких руководителей — изба-

виться в названии «Театр юного зрителя» от двух последних слов.

— Но в вашей труппе было столько интересных актеров!

— Было. Не случайно и вы говорите в прошедшем времени. Проработав сезон-другой, уходила на «взрослые» сцены талантливая молодежь — от нас ушли Лия Ахеджакова, Инна Чурикова, Тамара Дегтярева, Ольга Остроумова, Олег Вавилов, Владимир Качан, Юрий Еремин... А приток новых сил скуден. Подумать только: средний возраст актеров ТЮЗа — сорок два года!

Почему же они уходят? Не престижно работать в ТЮЗе, он стал — увы! — театром второсортным. Зарплата низкая, загруженность колоссальная — 25–30 спектаклей в месяц, в каникулы — по три представления в день. Мыслимо ли? И о каком искусстве может идти речь? Тут бы только дотянуть, не свалиться от усталости.

В Москве на миллион почти школьников — всего два театра, и те в крайне неблагоприятных условиях: теснота, замусоренность, блеклость. Театр не оставляет у ребенка праздничных ощущений.

— На билетах точно обозначено, для какого возраста та или иная постановка, но «возрастной ценз» тюзовского зрителя практически не учитывается...

— Возрастные границы, постоянно расширяясь, становились все более символическими, в результате детский театр постепенно перестал отвечать своему назначению. В последние годы ТЮЗ ориентировался в основном на взрослую аудиторию. А о перекладках совсем забыли: сказка исчезла со сцены. Не видят света рампы философские притчи Евгения Шварца, забыты сценические фантазии Сергея Михалкова, волшебные пьесы Льва Устинова... Конечно, сказки ставить сложно и хлопотно: в жизни столько чудес, что самая буйная фантазия за ними не поспевает. Поток информации, который обрушивается на ребят, огромный, волшебствами их не удивить. И хотя техническая оснащенность нашей сцены оставляет желать лучшего (еще одна проблема!), художники, осветители, шумовики ухитряются все же показывать подлинные чудеса. Но не только в них дело. Сказка предполагает безусловную веру в предлагаемые обстоятельства, игру, участниками которой непременно становятся малыши. Развлекая, поучать — принцип любой сказки, в том числе и сценической. Яркое зрелище необходимо маленьким зрителям. Еще Станиславский говорил о том, что именно в детстве театр вскрывает творческие силы ребенка, отмечал эстетическое значение искусства сцены в формировании личности. От того, какими мы вырастим наших детей, зависит не только их, но и наше будущее.

— Как на все это смотрит труппа, педагогический и литературный отделы, художественный совет театра?

— Не знаю, как в других, а в нашем театре до недавнего времени «погоду делал» в основном главный режиссер. Правда, не столько «делал», сколько портил. Репертуар составлялся достаточно произвольно и эклектично, да и постановки не отличались ни свежестью, ни новизной, за что нас справедливо критиковали. И зритель голосовал... топом ног. При этом финансовый план стабильно выполнялся, по сведениям кассы — аншлаг, а зал нередко

заполнен наполовину. Значит, билеты взяли, а на спектакль не пришли.

Нет, я не виню детей. За все в ответе мы, взрослые. Надо искать новые формы общения со зрителем, которого мы упустили, отдали улице. Педагогической части должны работать опытные психологи, социологи. Необходимо возродить студию при театре — она станет основным источником актерского пополнения. Может быть, я максималист, но мне кажется, что детские театры должны быть академическими — не по формальному статусу, а по отношению к ним.

— И что же, по вашему мнению, в ТЮЗе нужно ставить?

— Запретных тем нет и не может быть. Важно, как их реализовать. Мы теряем оттого, что накладываем «вето» на проблемы, волнующие всех нас. Чего скрывать — видели, знали и о жестокости детей, и о юношеской наркомании, о хулиганстве, о девочках-матерях... И молчали. Наивно спорили, могут ли пятнадцатилетние влюбляться и надо ли показывать любовь на сцене, а они влюблялись, не обращая внимания на наши дискуссии. Мы стеснялись говорить об этом — все бочком, полумаяками. Результат? Плачевен. Дети не приучены смотреть и воспринимать серьезную сценическую лирику.

— В былые времена в ТЮЗе после спектаклей начиналось их бурное обсуждение. Ребята выступали, как заправские критики...

— И эта традиция забыта. Мы были частыми гостями в школах, где разгорались жаркие дискуссии. Сейчас «обратная связь» заглухла. Мы существуем сами по себе, зрители — сами по себе. И часто, к сожалению, не происходит того контакта с залом, того СО-участия, СО-переживания, ради которых существует Театр.

Московские критики, у которых мы, как говорится, под боком, тоже редкие гости у нас. Актеры ТЮЗа горько шутят: «Мы широко известны в узких кругах...»

Естественно, я сосредоточил внимание на бедах своего ТЮЗа, потому что хорошо знаю их изнутри. Но ведь такая ситуация характерна практически для всех детских театров. Не случайно на только что закончившемся съезде ВТО много и с тревогой говорилось о проблемах сценических коллективов (а их только в России почти треть!), адресуя свое искусство юным. Во многих детских театрах нет главных режиссеров, не хватает молодых актеров, амбула трагедии становится острейшим «дефицитом», репертуарная афиша пестрит названиями второсортных пьес, всякого рода «развлекалочками»... Хочу напомнить, что в тяжелейшие для нашей страны годы гражданской войны нарком просвещения Луначарский стал председателем директория Первого государственного театра для детей. Стало быть, еще на заре Советской власти воспитанию молодого поколения средствами искусства придавалось значение отнюдь не второстепенное. А сегодня мы должники наших детей и этот долг обязаны вернуть.

С будущего года во многих театрах страны начинается эксперимент. Он не коснется ТЮЗов напрямую. Но мы считываем обрести больше права в выборе пьес, в самостоятельном формировании репертуара. Все-таки я оптимист. И потому — «еще люблю, еще надеюсь»...

Беседу вел Е. ЗОНИНА.

2
НОЯ 1986